

Глава 40. В Обители праздности

— Уцзю, ты в порядке? — едва завидев выходящую из Обители праздности пару, Да Данцзя тут же обеспокоенно бросился к Лянь Уцзю.

Лянь Уцзю в ответ лишь сердито зыркнул на него и, не проронив ни слова, зашагал мимо.

Да Данцзя беспомощно улыбнулся. Су Линцзюнь усмехнулся вслед:

— Он слишком раним, сейчас к нему лучше вообще не лезть.

Прежде чем его смешок затих, Золотой Отрок, совершенно не ведая страха, уже увязался за беглецом.

Ухватившись ручонками за штанину Лянь Уцзю, Золотой Отрок участливо заглянул ему в лицо:

— Братец, тебя кто-то обидел? Я за тебя отомщу!

Малыш воинственно выпятил грудь, а в его глазенках вспыхнула искренняя решимость. В меру своего крошечного детского разума он давно решил, что Лянь Уцзю — человек хороший, а значит, любой его обидчик — негодяй, которого непременно нужно наказать!

Лянь Уцзю смутился. Избегая взгляда ребенка, он пробормотал:

— Никто меня не обижал. Иди к отцу.

С этими словами он прибавил шагу, направляясь к ближайшей таверне. Остаться на людной улице не хотелось совершенно. К тому же со вчерашнего дня, как они застряли в той проклятой Обители праздности, во рту у него не было ни крошки. Живот сводило от голода.

Заметив, что Лянь Уцзю отмахнулся от него, да еще и выглядит чернее тучи, Золотой Отрок повернулся к родителю:

— Папочка, это ты обидел братца?

Су Линцзюнь со смешком щелкнул сына по лбу:

— Стал бы я его трогать. Он сам сглупил, не обращай внимания.

Малыш надулся и сердито уставился на отца:

— Папа, ты плохой...

— Какой ни есть, а все твой отец, — усмехнулся Су Линцзюнь. — Ладно, не умничай, пошли скорее.

— Раз ты такой вредный, я себе другого найду! Дядя А-Дан очень хороший, пусть он будет моим папой! — Золотой Отрок резко отвернулся и подскочил к Да Данцзя, просясь на ручки.

Да Данцзя, никогда не чаявший души в детях, тут же ласково подхватил его:

— Дядя А-Дан не может стать твоим папой, глупыш. У меня ведь есть собственный сын, он очень расстроится и будет плакать.

Личико Золотого Отрока разочарованно вытянулось:

— Ну тогда... тогда я попрошу братца стать моим папой! Вот!

Ловко соскользнув на землю, карапуз забавно перевалился с ноги на ногу и припустил вслед за Лянь Уцзю, звонко выкликая его имя. Но Лянь Уцзю сделал вид, будто оглох, и лишь ускорил шаг, юркнув в двери таверны.

Малыш рванулся следом, но Су Линцзюнь вовремя перехватил его поперек живота и бесцеремонно зажал под мышкой:

— Он сам еще сущий ребенок, какой из него отец? А ну-ка угомонись. Не мешай ему, нам есть не нужно, подождем его на улице.

С этими словами Су Линцзюнь преспокойно устроился на невысоком каменном уступе неподалеку от входа в заведение.

Стоило опустить мальчишку на землю, как тот моментально впился зубами в отцовскую ладонь. Ойкнув от боли, Су Линцзюнь резко отдернул руку и строго выговорил сыну:

— Сколько раз тебе повторять: кусаться нельзя! Что за дурацкая привычка?

Тот упрямо зыркнул в ответ, но стоило ему натолкнуться на суровый взгляд отца, как глаза наполнились слезами. Малыш обиженно надул губы, его плечики задрожали, и он всхлипнул:

— Плохой... плохой папа... ы-ы-ы...

Су Линцзюнь со вздохом смягчился:

— Ну же, мужчины не должны реветь по каждому поводу.

Он потянулся было, чтобы прижать сына к себе, но пронырливый малец оскалил зубы и снова мертвой хваткой вцепился в подвернувшуюся руку. Терпение Су Линцзюня лопнуло. Свободной рукой он силой оттащил от себя сорванца и рявкнул:

— Ты что, порки захотел?!

Шлепок по мягкому месту вышел не столько сильным, сколько обидным, но этого вполне хватило, чтобы Золотой Отрок зашелся в безутешном плаче.

— А-а-а-а! Ы-ы-ы!

— Тише, тише, наш Отрок ведь послушный мальчик, — жалостливо запричитал Да Данцзя, пытаясь унять ребенка. Однако тот увернулся, вырвался из рук и со всех ног припустил прочь.

— Куда ты?! Стой! — Да Данцзя бросился следом.

— Да оставь ты его! А-Дан, вернись! — крикнул помрачневший Су Линцзюнь, провожая взглядом скрывающегося в толпе сорванца.

— Ну и зачем ты так с ним? — сердито напустился на него вернувшийся Да Данцзя. — Он же совсем еще кроха! Вдруг с ним что-то случится в незнакомом месте?

Су Линцзюнь недовольно фыркнул и уселся обратно на каменный выступ.

— Слишком избалованный! Пусть пообижается, ему только на пользу пойдет, — ворчливо отозвался он. — Мать его совсем занежила. Учиться не хочет, в еде капризничает несносно. Сколько он живет, ни разу не видел, чтобы он нормально поел. Кашу пустую жует да рис в воде размоченный, больше ничего в рот не берет. Ни фруктов, ни сладостей — вообще ничего! Приходится каждый месяц колоть ему питательные растворы, чтобы ноги не протянул. С садиком вообще беда вышла: думал, хоть там с детьми общаться научится, а он в первый же день какому-то бедолаге чуть ухо не отгрыз! Мать еще придумала глупость — отправила его со мной в игру, надеялась, мы тут сблизимся и характер у него исправится. Ага, как же! Дома хоть одна мать его баловала, а здесь вас целая толпа выискалась. Стоит этому паршивцу соорудить невинную мордашку, вы уже готовы на него молиться как на ангелочка. А у этого ангелочка хитрости вагон и маленькая тележка!

Да Данцзя слушал эту бесконечную тираду, разинув рот от изумления. Ну сколько хитрости может быть у четырехлетнего ребенка? Смешно сказать, взрослый мужчина всерьез дует на собственное дитя...

— И все-таки, может, стоит его поискать? — со вздохом спросил Да Данцзя. Его-то собственный

сын рос сущим ангелом, без всяких кавычек.

— Не пропадет, — отмахнулся Су Линцзюнь. — В игре с ним ничего дурного случиться не может. А потакать его капризам я не намерен.

Да Данцзя покачал головой и, немного помявшись, нерешительно произнес:

— Послушай... можно задать тебе личный вопрос?

— Спрашивай, — приподнял бровь Су Линцзюнь.

— А у Отрока... у него вообще есть мать?

Су Линцзюнь усмехнулся:

— С чего бы? Я никогда не позволил бы какой-то женщине вынашивать моего ребенка.

Да Данцзя тихо охнул:

— Значит, он все-таки... из пробирки?

— Ну да. Матери позарез нужен был внук, вот и пришлось уступить. Да я и сам не особо сопротивлялся, наследник все равно когда-нибудь понадобится бы.

— Понятно... Говорят, таких детей в семьях не особо любят. Похоже, не врут.

— Чушь! И ты веришь в эти бредни? Какая разница, из материнской утробы ребенок или из искусственной, плоть от плоти ведь! О каком недостатке любви ты говоришь? Да у нас дома вокруг него все на цыпочках ходят, словно перед императором! У него авторитета в семье побольше, чем у меня!

— Да я не к тому клоню, — мягко возразил Да Данцзя. — Просто... грустно это. Малыш, который никогда не лежал у мамы под сердцем, лишен чего-то очень важного.

— Ха-ха! Время сейчас такое! Ты же знаешь, мало кто из современных женщин согласится на муки естественных родов. Зачем страдать, если можно этого избежать?

— Пожалуй, ты прав... — вздохнул Да Данцзя. На губах его появилась грустная, но теплая улыбка. — Моего сорванца бывшая жена вынашивала сама. Она замечательная женщина... Пусть даже в прошлом месяце мы и развелись. Сына она оставила мне.

Его взгляд потеплел. Было видно, что он все еще испытывает к ней нежные чувства, но разрыв не принес ему всепоглощающей тоски — всю свою любовь он без остатка перенес на ребенка.

— За всю нашу совместную жизнь я благодарен ей лишь за две вещи. И первая из них — то, что она согласилась родить нашего мальчика сама.

— Да уж, в наши дни встретить женщину, решившуюся на роды — редкость. А уж неразлучную супружескую пару — и подавно...

Двое мужчин увлеклись душевным разговором о доме и семье, незаметно позабыв о беге времени. И о... кое-ком еще.

— Эй, что там происходит?! — Да Данцзя внезапно подскочил на месте и ошарашенно бросился к дверям таверны.

Су Линцзюнь поспешно поднялся, и его лицо мгновенно потемнело. Он припустил следом.

— Пойдите! В чем дело?! За что вы его схватили? — Да Данцзя преградил дорогу двум стражникам, крепко державшим Лянь Уцзю под руки.

— Пообедал и платить отказался! — сухо отчеканил один из стражников. — Пять серебряных за ним числится, так что день под замком посидит.

— Всего-то пять монет? — торопливо вмешался Су Линцзюнь. — Мы заплатим за него. Отпустите его, ладно?

— Оплата долга освобождает от ареста, — кивнул стражник.

Су Линцзюнь уже полез в кошель за монетами, как вдруг Лянь Уцзю, до этого стоявший с понурой головой, яростно вскинулся:

— Не смей платить за меня! Я сам пойду в тюрьму!

Су Линцзюнь замер от неожиданности. Глядя на пунцовое от стыда и злости лицо Лянь Уцзю, он едва сдерживал смех. Похоже, этот парень в жизни так не позорился! Ранним донельзя, он еще от утреннего унижения, когда его обобрали до нитки и оставили без одежды, толком не оправился, а тут — новая напасть. Беда, как говорится, не приходит одна.

— Ладно тебе, не дуйся, — примирительно хмыкнул Су Линцзюнь, протягивая серебро страже. — Мы просто заболтались и забыли, что у тебя с собой ни гроша. Моя вина, прости уж, что заставили понервничать.

Однако упрямства Лянь Уцзю было не занимать. Он изловчился, выхватил монеты из рук стражника и швырнул их обратно в лицо Су Линцзюню:

— Сказал же — не нужно! Уводите меня, живее! Даже будь у меня деньги, я бы этой лавке ни медяка не оставил!

Су Линцзюня тоже уязвила эта строптивость, и он вспыхнул:

— Тебе самому-то не совестно? Сколько тебе лет, а ведешь себя точь-в-точь как Отрок! Ну позорился и позорился, велика беда, никто от этого не умер! К тому же, кто виноват, что ты без денег и штанов остался? Нечего было по бабьим притонам шлаться! Не будь мы друзьями, черта с два я принес бы тебе утром одежду! Сидел бы сейчас голышом в кустах до скончания веков!

Правда, слова сорвались с языка быстрее, чем он успел подумать. Су Линцзюнь тут же пожалел о сказанном, прекрасно зная, какой Лянь Уцзю ранимый... Прямо как тепличное растение, пылинки с которого сдували всю жизнь!

Услышав это, Лянь Уцзю застыл, вперив в Су Линцзюня испепеляющий взгляд. Но мгновение спустя на его лице воцарилось пугающее, ледяное спокойствие. Не говоря ни слова, он начал... раздеваться.

— Забирай свое тряпье. Теперь я тебе ничего не должен, — холодно бросил он, швырнув скомканный халат прямо в лицо Су Линцзюню.

— Уцзю, ты с ума сошел?! — в ужасе воскликнул Да Данцзя.

Немногочисленные прохожие начали удивленно переглядываться, указывая пальцами на раздевшегося посреди улицы юношу и оживленно перешептываясь.

Оставшись в одних исподних штанах, Лянь Уцзю с гордо поднятой головой зашагал вслед за онемевшими стражниками.

— Да ты совсем сдурел, твою мать! — взревел Су Линцзюнь и, сжимая в кулаке одежду, бросился вдогонку, пытаясь на ходу набросить ее на упрянца.

Лянь Уцзю даже не обернулся, лишь бросил через плечо:

— Знаешь, а в таком виде гулять даже приятно. К черту условности. В конце концов, я мужчина, и глупо было так из-за этого переживать.

На его губах заиграла безмятежная улыбка, и он неторопливо скрылся за поворотом.

— Да чтоб ты всю жизнь в одних трусах по улицам шастал! — полетел ему в спину яростный вопль.

От этого крика, казалось, содрогнулся весь Мир Хаоса, и у случайных свидетелей этой сцены по спинам пробежал невольный холодок.

<http://bllate.org/book/18276/1766248>